

Людмила Шарга

«Я выполнял приказ»

Кончается март. Сливаются дни и ночи в одно бесконечное безвременное, февральское...

Какое сегодня число, какой день недели – неведомо, пока не заглянешь в календарь, а там двадцать седьмой день войны. Двадцать седьмая ночь войны.

Миллионы глаз... миллионы спин на вокзалах.

Сломанные судьбы, растоптанные надежды и мечты, отнятое будущее, разрушенные дома. Выжженная земля.

Тысячи погибших.

Взгляды смешались там, где смотрят не глазами, где не скрыть, не утаить ничего из земной жизни, где обнажена суть каждой души.

Где это... Вспоминается Данте с его структурой Ада.

Гора Чистилища. Сюда попадают души, успевшие рано или поздно покаяться в совершенных грехах. Такие души получают возможность достигнуть Рая, после того как отбудут срок в Чистилище.

Души обладают памятью, стало быть, убиенные узнают своих убийц. Убийцы не запоминают убиенных, за редким исключением.

Душа ребенка, душа подростка, душа старика... душа женщины, отлетевшая в миг обстрела очереди за хлебом.

– Почему ты убил меня?

– Я выполнял приказ.

– Почему ты убил меня?

– Я не знал тебя, я выполнял приказ...

– Как ты стал убийцей?
– Я выполнял приказ.
– Как ты стал убийцей?
– Я молчал.
– Как ты стал убийцей?
– Я молчал, боясь потерять работу, пост, льготы... влиятельных друзей... Я не знал, что стал убийцей. У меня жена, дети, дом. Были там.

– У меня все это было, пока ты не убил меня. Пока твое молчание не разрушило мой дом, не убило моих родителей, моих детей, меня... Ты пришел на мою землю, в мой дом и убил меня.

– ...

Гул и над, и под землей. Не от вопросов и ответов – души бессловесны, иначе мы захлебнулись бы в многоголосье.

Гул над городом...

Утром в новостях мелькнуло: ТЭЦ меняет котел.

Не в аду ли котел меняют? И пекельные топки имеют свои пределы.

Между утром вчерашним, разбудившим взрывами, новостями о разрушенных домах в Одессе, и утром сегодняшним день и ночь, несколько сигналов воздушной тревоги, дневных, ночных и утренних, горькие вести из Мариуполя, Херсона, новость о гибели жителя Харькова, 96-летнего Бориса Романченко, узника нескольких нацистских концлагерей. 18 марта в его квартиру попал снаряд...

Раненная киевлянка, кормившая полуторамесячную дочь...

Беснующееся зомбированное месиво на стадионе в Лужниках, который уже назвали (правильно назвали, отхожее место – не иначе) нужниками...

Нескончаемый поток беженцев.

Нескончаемый поток душ у подножия горы Чистилище, где звучат немые вопросы, не заданные при жизни.

– За что ты убил меня?.. Как ты стал убийцей?

– Я выполнял приказ. Я молчал...